

Природа постсоветских войн: фрагменты проблематики

Макаренко В. П.,

доктор философских и политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра политической концептологии,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: Автор обосновал принцип дистанции исследователя от политической конъюнктуры России и всего постсоветского пространства [Макаренко В. П., 2016, с. 53–77], поскольку ложь, насилие и политическая бездарность образуют главные характеристики русского, советского и постсоветского государственного разума [Макаренко В. П., Акопян А. Г., Халед Р. К. Б., 2020]. Руководители Российской империи (Николай II) и СССР (Сталин) вовлекли страну в две мировых войны. Значит, даже российские революции не изменили шаблоны политического мышления господствующих меньшинств России [Ливен Д., 2007].

Цель статьи — применить авторскую концепцию бюрократии к объяснению природы постсоветских войн. Для этого используются фундаментальные исследования Ханны Арендт, наблюдения писателей, военных журналистов и гражданских аналитиков войны СССР в Афганистане и войны между Россией и Чечней 1994–1996 гг. Анализируются проблемы переоценки связей между войной и политикой, феномен неизвестных войн в истории СССР и постсоветской России, воспроизводства лжецов и процесс образования непризнанных государств на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: парадокс насилия, связь войны и политики, постсоветские войны, политическая ложь.

На протяжении 1990-х гг. в России внедрено в жизнь силовое предпринимательство, что укрепило господство военно-промышленного комплекса и полицейских структур [Волков В. В., 2012; Олейник А. Н., 2001; Олейник А. Н., 2011]. Попутно политтехнологи разработали основы национальной идеологии России. Ее цель — обосновать вмешательство государственного аппарата во все стороны жизни общества, а также распространить национальные интересы России на все регионы мира — от «ближнего зарубежья» до Африки и Южной Америки [Алексеев С. В., Каламанов В. А., Черненко А. Г., 1998, с. 228–309]. Эти процессы ослабили общественный протест и превратили войну в постоянный элемент внутренней политики России [Ослунд А., 2003, с. 27–29]. После 20 лет реформ страна вернулась к разбитому корыту «России во мгле», с которого началась советская история [Гонтмахер Е., 2016 (а); Гонтмахер Е., 2016 (б);

Гонтмахер Е., 2017 (в); Гонтмахер Е., 2017 (г)]. Нынешние политтехнологи считают фигуры Ивана Грозного, Петра I, Сталина и Путина определяющими для будущего тысячелетия России [Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П., 2020]. Поэтому требуется систематическая разработка контридеологической аналитики [«Философия и идеология», 2018; Рубцов А. В., 2020].

Для решения данной задачи я опираюсь на выводы своих исследований. Специфика моего подхода к бюрократии — анализ данного феномена во взаимосвязи с проблемами политической оппозиции и легитимности. Бюрократия (государственная служба, государственный аппарат) — это социальный организм-паразит на всем протяжении своего исторического существования, отражение социальных конфликтов и материализация политико-управленческого отчуждения. Любые государственные аппараты есть политическая форма естественного (животного, биологического) состояния общества. Властно-управленческие формы политического отчуждения претендуют на универсальность, но не создают ни материальных, ни моральных, ни политических, ни духовных ценностей. Базисные понятия теории бюрократии (бюрократическое отношение — государственный формализм — политический рассудок) позволяют описать поведение бюрократии на уровне отношений, деятельности и сознания в мирные и революционные периоды развития, а также в периоды реформ, одну из которых безуспешно пытались осуществить политическое руководство России. Вместо реформы оно предложило войну в системе «центр-периферия» внутри страны [Макаренко В. П., 2016, с. 360–409]. Затем спровоцировало войну с Украиной [«Философ и наука», 2016, с. 73] и перенесло войну в другую страну [Россия — Украина ..., 2016]. Поэтому нужны концепции, которые являются общепризнанными в мировой науке и позволяют оспорить правительственную точку зрения на все события, отношения и процессы постсоветской действительности.

Переоценка связи войны с политикой

Связь лжи, насилия и политической бездарности — важная тенденция политического развития в XX веке. Ханна Арендт сформулировала принцип описания данной связи: продолжение систематических убийств в мирное время и забвение понятия агрессии как международного преступления образуют политический соблазн, в который до сих пор впадает большинство государственных деятелей; любое насилие включает ложь. Поэтому теоретическое значение трудов Арендт выходит за границы того исторического момента, когда они были написаны. Их можно применять к анализу современной России [Ямпольский М., 2014, с. 116–144], поскольку «...главные наши занятия продолжают не дела свободных граждан, но скорее дела рабов» [Эткинд А. М., 2001, с. 305].

Арендт предлагает рассматривать современный политический протест в контексте XX века — эпохи войн, революций и насилия. К настоящему моменту времени эволюция средств насилия достигла стадии, на которой исключена любая политическая цель, соответствующая их разрушительному потенциалу и оправдывающая их применение

в вооруженном конфликте. Война как верховный арбитр международных споров потеряла всякую эффективность и блеск. Целью холодной войны между сверхдержавами и гарантией мира является наибольшее устрашение, а не победа. Как выпутаться из безумия этой ситуации?

Для ответа на вопрос Арендт отбрасывает восходящую к Клаузевицу и популярную до сих пор традицию определения войны как продолжения политики насильственными средствами. Взамен она формулирует парадокс насилия в категориях «цель — средство»: сам факт, что те, кто совершенствует средства уничтожения, достигли такого уровня технического развития, когда благодаря находящимся у них в распоряжении средствам война как цель их деятельности оказалась на грани исчезновения, фиксирует *непредсказуемость*, с которой мы сталкиваемся в сфере насилия [Арендт Х., 2014, с. 9].

Главной причиной непредсказуемости является тождество национальной независимости и государственного суверенитета. Угроза войны сохранится до тех пор, пока национальная независимость (свобода от иностранного господства) отождествляется с государственным суверенитетом (претензия на неограниченную власть в международных делах). Поэтому Арендт предлагает разделить независимость и суверенитет по образцу США, в которых тождество между ними исключено. Однако ядерная война между сверхдержавами тоже исключена. Значит, формула Клаузевица уже не относится к развитым странам, а только к отношениям между неразвитыми странами. Согласно Арендт, повод к началу ядерной войны произойдет в тех частях планеты, где древняя максима «у победы нет альтернативы» по-прежнему близка к истине. Стало быть, идеология победы свидетельствует не о мудрости государственных деятелей, а описывает тысячелетнюю рутину международных отношений.

Для выхода за пределы рутины Арендт вводит концепт действительных событий, которые прерывают рутину и разрушают схему предсказания, основанную на экстраполяции нынешнего положения дел в будущее. Арендт направила концепт непредсказуемости событий против всех государственных деятелей, транслирующих рутинные процессы и процедуры. Насилие — основа государственной рутины! Таков исходный пункт ее рассуждений.

При доказательстве его истинности Арендт осуществляет обзор основных подходов к описанию насилия: все исследователи истории и политики сознают огромную и вечную роль насилия в человеческих делах, но никто из них не поставил под вопрос ни насилие, ни произвол государственных деятелей, применяющих его по собственному выбору. Между тем этот вопрос вытекает из переворота в отношениях между властью и насилием после Второй мировой войны. Ради победы ведущие державы создали военно-промышленный комплекс, который не был разрушен после войны. Поэтому за войной последовал не мир, а холодная война. Следствием войны является господство в современном обществе военного потенциала и военных технологий. Арендт отвергает такое господство и предупреждает, что вскоре произойдет переворот в отношениях между малыми и большими державами. Объем насилия в распоряжении страны уже не будет показателем ее силы и гарантией против разрушения со стороны меньшей и слабой державы.

Для аргументации она использует теорию и практику революции. В ней выражена связь между насилием в международных делах и внутренней политикой государства. Ненадежность насилия в международных отношениях увеличивает его привлекательность во внутренних делах.

Арендт считает, что довоенное поколение обрело опыт вторжения уголовного насилия в политику. Оно узнало о советских и нацистских концлагерях смерти, геноциде, пытках, массовом военном истреблении гражданских лиц. Послевоенное поколение выросло в тени атомной бомбы. Поэтому современный культ насилия отражает прежде всего практику тотального государственного насилия в XX веке, образцы которого сложились в СССР и нацистской Германии. Освобождение свободных производителей и производительных сил (о котором мечтал Маркс) оказалось замедлено во всех странах, переживших революцию. Наука вошла в состав военно-промышленного комплекса и достигла стадии, на которой «нельзя сделать практически ничего, что нельзя было бы превратить в войну» [Арендт Х., 2014, с. 23].

Поэтому Арендт подвергает критике идею Прогресса как товара с «современной ярмарки суеверий», которая объединяла либерализм, социализм и коммунизм. При этом она выдвигает следующие аргументы: обвинение либералов в непоследовательном сочетании верности Прогрессу с отказом поклоняться Истории в марксистском или гегелевском понимании [Арендт Х., 2014, с. 33]; отбрасывание гегелевско-марксовской идеи органичности общества и истории как «единственно возможной концептуальной гарантии» непрерывности исторического прогресса, поскольку эта гарантия основана на метафоре и не является прочным фундаментом для построения доктрины; отбрасывание всех остальных концепций истории («вечное возвращение», расцвет и упадок империй, случайная последовательность принципиально не связанных событий), поскольку ни одна из них не гарантирует непрерывность линейного времени и исторического прогресса; признание античной идеи начального «золотого века» и вывода о непрерывном упадке единственным конкурентом марксизма; эта идея и вывод подтверждаются вечной характеристикой любой индивидуальной жизни, которая неминуемо закончится смертью; поэтому в отношении всех надындивидуальных концепций сохраняют истинность аргументы Канта и Герцена против прогресса; квалификация идеи прогресса как последнего аргумента в пользу руководства для действия; этот аргумент ложен, поскольку обосновывает политический активизм и связанное с ним большинство нынешних политических и экономических теорий; идея прогресса — это разновидность иррациональной религиозной веры, согласно которой ничего нового и неожиданного случиться не может; эта вера оправдывает связь естественных и гуманитарных наук с военно-промышленными комплексами и тоталитарными режимами и потому тоже должна быть отброшена. «Иначе говоря, — констатирует Арендт, — прогресс уже не может служить критерием, по которому мы оцениваем запущенные нами катастрофически быстрые процессы перемен» [Арендт Х., 2014, с. 39]. Отсюда вытекает, что вера в прогресс в XX веке оправдывала рутину международного и странового насилия.

В отличие от марксистов, либералов и социалистов Арендт подчеркивает роль абсолютно неожиданных событий¹. Она положительно оценивает студенческий бунт 1968 г. именно за то, что он был совершенно неожиданной реакцией на милитаризацию науки, стал поводом для обнаружения пределов либерализма, марксизма и социализма, и показал способность студентов противостоять повседневному эгоизму и манипуляции. Арендт отвергает такой взгляд на историю, когда насилие (в виде войн и революций) рассматривается как единственное средство, которое может прервать непрерывный и неизбежный хронологический исторический процесс. На деле *любое* действие может прерывать все автоматические и предсказуемые процессы.

Можно ли использовать идеи Ханны Арендт для анализа и оценки советской и постсоветской истории и политики? Для полного ответа на вопрос требуется сопоставление всей политической философии Ханны Арендт со всем спектром существующих концепций войны, революции, государства и политики, а также с реальной политической практикой всех государств XX века, включая СССР/Россию. Эту задачу в рамках статьи выполнить невозможно. Однако для начала можно вдохновиться идеями А. Пятигорского: политическая философия должна отвергать все политические мифы и политический жаргон власти (типа «противостояние Востока и Запада», «страны третьего мира», «урегулирование политического кризиса» и пр.), отбрасывать политологию по причине ее холуйства перед властью и анализировать ключевые понятия «абсолютная власть», «абсолютное государство», «абсолютная революция», «абсолютная война» [Пятигорский А., 2007]. Такая ориентация совпадает с целью статьи. Покажу несколько направлений ответа на поставленный вопрос.

Неизвестные войны как предмет рефлексии

Арендт проанализировала опыт революций, войн и тоталитарных систем XVIII–XX вв. Но результаты ее анализа не учитываются в книге военных журналистов М. Ю. Ларина и А. В. Хватова. Они считают войны неотъемлемой составляющей существования государств и применяют концепцию Клаузевица для оправдания советско-российской концептуальной и государственной рутины. Неизвестные войны СССР/России описываются для того, чтобы раскрыть глаза на конфликты, детали которых держались в секрете или искажались в СМИ. «Сейчас уже можно, и даже нужно снять гриф секретности с этих столкновений, ведь военнослужащие, пострадавшие в них, заслуживают этого ничуть не меньше, чем герои перевернувших историю войн — и те и другие пали, защищая Родину» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 16–17].

Зато в этой книге приведены факты, которые позволяют собрать первичный эмпирический материал для опровержения Клаузевица и уточнения концепции Арендт на материале советской и постсоветской реальности. Например, в современной российской пропаганде превалируют темы российского/советского участков Первой и Второй

¹ «Весь наш опыт в текущем столетии, — пишет Х. Арендт, — которое постоянно сталкивало нас с абсолютно неожиданными вещами, вопиющим образом противоречит этим идеям и доктринам, сама популярность которых, видимо, заключается в том, что они предлагают уютное — спекулятивное или псевдонаучное — убежище от реальности» [Арендт Х., 2014, с. 36–37].

мировых войн и связанная с ними идеологема победы [«Россия в поисках идеологий...», 2016, с. 310–328]. В отличие от нее авторы собрали под одной обложкой материал о 20 неизвестных войнах, в которых участвовал СССР, и семи войнах, в которых участвовала Россия². Хотя в один общий мешок брошены межгосударственные войны и полицейские операции внутри отдельных государств, такой шаблон мысли отражает советско-российскую практику и позволяет систематизировать порождаемые ею проблемы, которых не видят авторы. Даже при сведении к минимуму фактического материала вырисовывается определенная когнитивная перспектива.

В советский период возникли проблемы адекватного отражения военных потерь, поводов к пограничным конфликтам, советско-финской и советско-немецкой войнам³. Во всех случаях официальная политическая ложь претендовала на ранг истины. Число потерь до сих пор затрагивает интересы вовлеченных в конфликт сторон по причине спорности критериев подсчета потерь и другим методологическим и политическим поводам [Беляков С., 2017]. Например, нарушение государственной границы СССР считалось основанием для начала военных действий (события у озера Хасан, на острове Даманский и на озере Жаланашколь), хотя их смысл спустя время дезавуировался самим же

² Речь идет о следующих военных конфликтах: польская кампания 1919–1920 гг., советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г., советская помощь Испании 1936–1939 гг., помощь Китаю 1923–1941 гг., японская агрессия у озера Хасан 1938 г., японская агрессия у реки Халхин-Гол 1939 г., советско-финская война 1939–1940 гг., гражданская война в Китае 1946–1950 гг., война в Корее 1950–1953 гг., события в Венгрии 1956 г., Карибский кризис 1962–1964 гг., помощь Алжиру 1962–1964 гг., война во Вьетнаме 1965–1973 гг., арабо-израильские войны 1967–1974 гг., события в Чехословакии 1968 г., события на острове Даманский в марте 1969 г., бои у озера Жаланашколь в августе 1969 г., сомалийско-эфиопская война 1977–1979 гг., война в Анголе 1975–1991 гг., война в Афганистане 1979–1989 гг., конфликт в Нагорном Карабхе 1988–1994 гг., приднестровский конфликт 1989–2011 гг., грузино-осетинский конфликт 1991–1992 гг., грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг., чеченские войны 1994–2009 гг., боевые действия в Дагестане 1999 г., российско-грузинский конфликт в Южной Осетии 2008 г. [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012].

³ В советско-польской войне погибли 25 тыс. красноармейцев, 60 тыс. попали в плен, 45 тыс. были интернированы немцами, несколько тысяч пропали без вести. Потери с польской стороны — 15 тыс. убитых и пропавших без вести и 22 тыс. раненых. При конфликте на КВЖД 281 чел. были убиты, пропали без вести и умерли от ран, ранены 729 чел. У китайцев были убиты 3000 чел, 8000 получили ранения, в плен попали 12 000 чел. В ходе конфликта у озера Хасан были убиты 600 японцев и около 2,5 тыс. ранены. Советские войска понесли потери 792 чел. убитыми и более 3200 ранеными. Количество жертв советско-финской войны точно неизвестно. 29 марта 1940 г. на шестой сессии Верховного Совета СССР было объявлено: убиты 48 745 советских военнослужащих, 158 863 чел. ранены, а у финнов были убиты 70 тыс., ранены 150 тыс. По данным финнов, с их стороны были убиты 19 576 чел., ранены 43 557 чел., без вести пропали 4101 чел. Долгое время эти сведения были официальными. Затем профессор М. И. Семиряга утверждал, что были убиты 53 552 советских солдата, без вести пропали 16 208 чел., ранены 176 тыс. В архивах есть иные сведения о потерях СССР: убиты были 131 476 чел. (не считая потерь НКВД и ВМФ), ранены 325–330 чел. Первоначально данные о потерях Красной армии были занижены. В событиях венгерской «красной осени» 1956 г. СССР потерял убитыми 720 военнослужащих, 51 чел. пропал без вести, ранены и травмированы 2260 чел. Со стороны венгров погибли 2502 чел., ранены 19 229 чел., 842 чел. были депортированы в СССР. В главе по Алжиру сообщается, что численность советского контингента с 1962 по 1991 г. в Алжире составляла 10 367 чел. Из них 411 солдат и сержантов срочной службы. В 1978 г. на территории Алжира присутствовали 2000 советских генералов. С 11 июля 1965 г. по 31 декабря 1974 г. во Вьетнаме в качестве военных специалистов побывали 6359 советских генералов и офицеров, из которых 13 погибли. Солдат не было никаких. В событиях на острове Даманский со 2 по 15 марта 1969 г. советская сторона потеряла 58 чел. погибшими, 94 были ранены. 5 чел. получили звание героя СС. По советским данным, были убиты 700 чел. китайцев, по китайским данным, погибло 6000 тыс. Во время сомалийско-эфиопской войны военные действия унесли жизни 79 советских военнослужащих, раненых 9 чел., 5 чел. пропали без вести, 3 оказались в плену [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 41, 63, 97, 138, 233, 311].

правительством СССР⁴. При развязывании советско-финской войны правительство заявило, что считает себя свободным от обязательств, которые оно взяло на себя в силу «Пакта о ненападении» между СССР и Финляндией в 1932 г.⁵ Значит, нарушение Германией пакта о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 г. было не менее «обоснованным», чем поведение СССР при начале советско-финской войны. В любом случае ни одна из противоборствующих версий начала войны не может считаться истинной, поскольку критерии отбора событий для объяснения начала, а также их временной охват были и останутся спорными. Выбор одной из версий означает явную или скрытую ложь, ибо универсальных критериев выбора не существует.

Поддержка правительством СССР любой стороны конфликта в другом государстве тоже способствует лжи. Например, в период гражданской войны в Китае СССР поддерживал Мао Цзэдуна в противоборстве с Чан Кайши [Ларин, Хватов, указ. соч., с. 139–154]. Кто был прав в той ситуации — с учетом последующего развития событий в самом СССР, в отношениях между СССР и Китаем, в отношениях Китая с остальными государствами, а также с точки зрения мировой истории? Однозначный ответ на вопрос невозможен.

То же самое можно сказать по поводу всех фактов и видов поддержки СССР/Россией противоборствующих сторон во всех странах на протяжении XX века. Например, в 1962 г. мир оказался на грани ядерной войны по причине произвольного выбора советским руководством поддержки руководства Кубы. Оказывается, этот выбор был сделан потому, что Куба оказалась лучшим вариантом для размещения советских ракет, т. к. с ее территории можно было нанести удар по стратегически важным американским объектам, включая Вашингтон, тогда как из СССР советские ракеты долетали только за 25 мин. Но в ноябре 1992 г. начался вывод российских военнослужащих с территории Кубы [там же, с. 190–192].

⁴ Как впоследствии выяснилось, конфликт у озера Хасан произошел потому, что граница была нарушена (на несколько метров или сантиметров — до сих пор неясно...) советскими, а не японскими пограничниками. События на острове Даманский начали развиваться 14 марта 1969 г. В 15:00 служащие Иманского пограничного отряда получили приказ от неизвестного лица убрать с Даманского пограничные отряды. Едва пограничники ушли с острова, его тут же заняли группы китайских военнослужащих. Кто был этим «неизвестным лицом», отдавшим приказ, который затем был отменен? Это не сообщается. Последовал бой. Но в 1991 г. остров Даманский был передан китайской стороне. В августе 1969 г. произошли события у озера Жаланашколь. После того как в Москву поступил доклад о произошедшем на советско-китайской границе событии, на заставу пришел приказ: «Берите больше трупов и трофеев». Как выяснилось позже, трупы были нужны для доказательства провокации со стороны Китая. Однако в момент, когда пограничники узнали об этом, трупы уже были закопаны, а снова извлекать их и транспортировать по стоявшей в то время сорокаградусной жаре было невозможно. Но вскоре по договоренности правительств сторон конфликта гробы с трупами китайцев передали на их родину [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 90–92, 301].

⁵ Советская версия начала советско-финской войны такова: 26 декабря 1939 г. в 15:45 советские войска, которые были расположены в километре северо-западнее от деревни Майнила, были обстреляны с территории Финляндии. Погибли трое солдат и один младший командир, семеро красноармейцев и один младший командир были ранены. На заводах и фабриках СССР начались митинги протеста под заголовками «Провокаторы просчитались!», «Горе тому, кто вызовет ярость советского народа!», «Прочитать зарвавшихся вояк!» и пр. [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 132–133]. Однако К. Маннергейм и секретные документы СССР сообщают, что советская версия опиралась на провокацию. Поэтому правота была скорее на стороне Финляндии [Маннергейм К. Г., 2014, с. 285–287; «Тайны и уроки зимней войны...», 2000].

Вооруженные силы и службы советской разведки СССР принимали участие во всех арабо-израильских конфликтах, в том числе в арабо-израильской войне 1967 г. В настоящее время территории, перешедшие под контроль Израиля в результате войны 1967 г., определяются ООН, ЕС, США, РФ и большинством стран мира как оккупированные; но МИД Израиля настаивает на квалификации данных земель как спорных территорий. Сразу после окончания войны начался рост арабского терроризма. Следовательно, СССР несет свою долю ответственности за создание абсурдной ситуации, которая заставляет расширять понятие «родины» до любой точки пространства, где находятся советские вооруженные силы и разведка⁶. Но при такой трактовке родины все остальные государства тоже имеют не меньшее право аналогично относиться к остальному миру. Такая «защита родины» порождает проблемы неопределенности территории и границ государства, а также пересмотра понятия родины в соответствии с политической конъюнктурой⁷.

В данном случае особенности истории иудейского народа, генезиса и функционирования государства Израиль рассматриваются как точка отсчета, что само по себе спорно [Джонсон П., 2001; Дубнов С. М., 1998]. Возникает проблема использования результатов исторической компаративистики при написании истории любого народа и государства. Между тем большинство историй народов и государств написаны по иным стандартам. Если учесть, что в конце XX века число государств увеличилось почти в четыре раза по сравнению с началом века, то возможность нарушения международного права постоянно растет, а переписывание истории становится нормой.

Кроме того, указанный подход к определению территории и границ государства обеспечивает любой произвол любого правительства, которое обычно отождествляет себя с государством. Стало быть, сфера лжи увеличивается по мере роста числа государств на планете и государственных деятелей, заимствующих такую неопределенность для обоснования собственного произвола.

Мой отец, комментируя свой жизненный опыт в советских условиях, высказывался так: «Власть никогда не хочет оставлять в живых свидетелей ее дел». Сохраняется ли это правило и в межгосударственных отношениях правительств СССР/России с другими странами?

⁶ «Нелегкая армейская служба, тяготы и лишения полевой жизни, да и просто — тяжелый для непривыкшего человека жаркий климат пустыни не смогли заставить советского солдата отказаться от понятий «долг», «честь», «родина». Зачастую с риском для жизни и здоровья солдаты СССР несли свою службу на вражеских территориях, защищая мир и покой не только своей страны, но и ее ближайших восточных соседей» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 255].

⁷ «На сегодняшний день, в результате долгих войн, конфликтных ситуаций и спорных моментов, связанных с захваченными и оккупированными землями, необходимо признать, что территория и границы Израиля окончательно не определены. Само государство, чтобы не поднимать в очередной раз тонких и неприятных вопросов, при решении которых необходимо, в том числе, и прислушиваться к ответам арабского правительства, воздерживается от официального определения своих границ; большинство израильских юристов считает, что территория вообще не является обязательным элементом государства» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 256].

Фабрикация лжецов и феномен секретных войн

В. Набоков уже давно предложил рассматривать деятельность рекламных агентств и правительств как яркие воплощения пошлости. «Советское правительство, — писал он, — самая пошлая организация на свете, не допускающая ни индивидуального поиска, ни творческой смелости... В современной России — стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил — перестали замечать пошлость, поскольку в Советской России развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающая деспотизм с поддельной культурой» [Набоков В., 1996, с. 22, 388]. Необходимым элементом такого сочетания является культивирование лжи как массового явления.

Правительство СССР обязывало своих подданных становиться лжецами. Советские летчики принимали участие в войне в Корее (1950–1953 гг.), но были предупреждены, что им запрещено попадать в плен. В противном случае Советский Союз отказался бы от изменника и его родственников [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 159]. Культивирование лжи переплелось с секретными войнами, которые вел Советский Союз в Анголе, Сомали и Афганистане ЦК [«РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос...», 2005; «Тайны национальной политики ЦК РКП», 1992]⁸. Уже со времени советско-польской войны военно-политическое руководство СССР начало эксплуатировать националистические, религиозные и сепаратистские факторы для достижения внешнеполитических целей. Склоняя на свою сторону многочисленные народы бывшей империи гарантиями национальной государственности, большевики сделали ставку на национализм как на политическую силу и идеологию. Руководство РКП(б) уже в начале 1920-х гг. обсуждало вопрос о необходимости подготовки «советских шариатистов» — гибрида коммунистов и мусульман. Эта идея была реализована во время советско-афганской войны [«ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос». Книга 1. 1918–1933 гг. Составит. Л. С. Гатагова и др. М., РОССПЭН, 2005; «Тайны национальной политики ЦК

⁸ «Участие советских военных в ангольских междоусобицах было одной из самых секретных операций Советского Союза — настоящей секретной войной... В политическом плане правительство СССР преследовало цель — поддержать просоветский режим и дать отпор тем силам в Анголе, которые опирались на поддержку США и других капиталистических стран. Насколько оправданной оказалась такая стратегия — до сих пор ответ на этот вопрос дать достаточно сложно, но в то время был чрезвычайно популярен лозунг о всемирной поддержке всех наций, стремящихся к коммунизму. Факт участия советских военных в боевых действиях в СССР предпочитали замалчивать — это было выгодно для внешней политики» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 318–320]. Помощь Республике Ангола обходилась советской власти в 50 млн руб. в год. Такие же обязательства по поддержке независимости Анголы были у Италии, Китая, Норвегии и других стран. А банды «унито», которых субсидировали США, получали 500 млн долл. от Белого дома и 500 млн долл. от ЦРУ. По официальной статистике, в Анголе с 1975 по 1991 г. побывало примерно 11 тыс. советских военнослужащих: 107 генералов и адмиралов и более 7 тыс. офицеров. Погибли и умерли 54 чел., в том числе 45 офицеров. «Но более подробная информация о том многолетнем и кровопролитном конфликте, в котором участвовали мужественные советские военные, до сих пор остается засекреченной» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 326]. В ходе войны с Афганистаном были убиты и искалечены 2,5 млн афганцев, в основном гражданских лиц. По данным на 1 января 1999 г., безвозвратные потери СССР оценивались в 15 051 чел., 54 тыс. раненых, контуженных и травмированных, 416 тыс. заболевших. Это данные без учета военнослужащих, умерших от ран и болезней в госпиталях на территории СССР. На поддержку афганского правительства из советского бюджета ежегодно выделялось 800 млн долл., а на содержание 40-й армии и ведение боевых действий на территории Афганистана — около 3 млрд долл. [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 387–389].

РКП». «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.». Стенографический отчет. — М.: ИНСАН, 1992]. Например, 2-й мусульманский батальон, сформированный в 1980 г. для участия в войне в Афганистане, вначале предназначался для возможных действий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, поэтому его солдаты были уйгурами [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 336].

В России до сих пор не опубликованы архивы НКВД об участии СССР в конфликте между поляками и украинцами в западных районах нынешней Украины, хотя монографические исследования уже существуют [Гогун А., 2004; Снайдер Т., 2012]. Во всяком случае, необходим синтез данных обо всех действиях структур партии, дипломатии, НКВД-КГБ, разведки, информации и идеологии во всех пространственно-временных хронотопах, в которых происходили межнациональные, конфессиональные и этнические конфликты.

Для движения в этом направлении можно использовать книгу Я. Карского, который уже во время Второй мировой войны опубликовал личное свидетельство о ней [Карский Я., 2012]. Но его книга опирается на опыт деятельности структур подпольного государства в условиях нацистской оккупации. В СССР аналогичных структур не было. Поэтому для начала можно опереться на общую оценку советских войн в книгах С. А. Алексиевич. Она написала историю проявлений домашнего, внутреннего социализма в индивидуальной человеческой душе на основе множества интервью с теми, «кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать — государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь», а также с участниками афганской войны, которые начали на ней прозревать.

Общий вывод С. А. Алексиевич таков: духовный опыт всех советских людей базируется на войне и революции; в советском обществе и государстве ложь, насилие и жестокость стали правилом социальной жизни; взявший в руки оружие человек выпадает из сферы морали; победа над фашизмом не сделала СССР великой страной; победители — это нравственно ущербные люди, а не герои. После Афганистана в стране образовалось «тысячи безработных военных, тех, кто знает только автомат и танк. Непригодных для другой жизни» [Алексиевич С. А., 2014, с. 8, 89, 203, 207, 208, 210, 213, 224, 225 и др.].

Стало быть, требуется систематический анализ статистики числа людей, непригодных к мирной жизни, и вытекающих отсюда множества следствий.

Этот вывод следует из анализа социально-психологического контекста афганской войны. О ней люди знали только официальную версию событий. Даже частные разговоры о войне практически были исключены. Большинство советских граждан считало: раз правительство послало туда войска, значит, надо. Других мнений не было. Даже женщины не плакали, война была далеко. В СМИ сообщали, что советские солдаты строят мосты, сажают аллеи дружбы, а советские врачи лечат афганских женщин и детей. На деле все участники войны видели разрушенные кишлаки и ни одного детского сада, построенной школы или посаженного дерева. Они были там в роли немцев в СССР во время советско-

германской войны. А у аборигенов выработалось убеждение: русские ничего не могут, они только убивают.

Командиры и «политнасосы» (так в советском экспедиционном корпусе называли политработников) обманывали солдат. Говорили, что они сначала должны поехать на целину, помочь убрать хлеб, а потом будут работать на новых машинах. Затем объявляли, что солдаты направляются в Афганистан выполнять воинский долг. Был совершен массовый обман, свидетельствующий о презрении власти к людям. Все солдаты были во вшах. Умирили за три рубля в месяц (восемь чеков). Их кормили мясом с червями, ржавой рыбой. За девять лет войны не придумали ничего нового в медицинском оборудовании для лечения раненых. Даже бинты и шины советского производства для наложения на сломанные кости не шли ни в какое сравнение с бинтами иностранных фирм.

Солдаты тоже не привыкли думать о политических проблемах: кто затеял войну и виноват в ней? У них был популярен такой анекдот: у армянского радио спрашивают: «Вы слышали, как писает комар? Политика — это еще тоньше». Советский режим забивал сознание, на сопротивление не хватало сил. Командиры и солдаты, герои и трусы занимались бизнесом, о деньгах говорили больше, чем о смерти. Коллекция засушенных человеческих ушей рассматривалась как боевые трофеи и предмет хвастовства.

Перед возвращением солдат домой замполиты их напутствовали: о чем можно и нельзя говорить. Запрещалось говорить о погибших, неуставных отношениях. Фотографии требовали порвать, пленки уничтожить. «Мы здесь не стреляли, не бомбили, не отравляли, не взрывали. Мы — большая, сильная и лучшая армия в мире» [Алексиевич С. А., 2014, с. 87. См. также с. 37, 40–42, 52–58, 68, 74, 80–87, 95, 115, 121, 143, 155, 202 и др.].

Непризнанные государства как продукт подпольной войны

Нагорный Карабах стал первым прецедентом сращивания официальной политической лжи с внутренней политикой СССР и перенесения секретных войн внутрь страны⁹. Своевременного расследования и наказания виновников и участников первого кровопролития не произошло. Поэтому заключительная фаза существования СССР

⁹ 20 февраля 1988 г. на сессии областного совета народных депутатов НКАО было принято обращение к верховным советам СССР, Армении и Азербайджана с просьбой о переводе НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Это решение имело роковые последствия. Первое кровопролитие произошло 22 февраля 1988 г. В этот день несколько тысяч молодых азербайджанцев вышли из азербайджанского города Агdam и вступили на территорию Аскеранского района НКАО с целью наведения порядка. Уже к вечеру армейские силы выдворили их оттуда. Было ранено около 50 чел., подверглись разрушению предприятия и строения. 27–29 февраля разгорелся конфликт в азербайджанском Сумгаите. Погибло несколько сотен армян, после чего они бежали в Степанакерт и Армению. О трагедии советские граждане узнали в марте 1988 г.; сообщалось, что в результате беспорядков погибли 26 армян и 6 азербайджанцев. На протяжении 1988 г. конфликт разрастался, происходили массовые погромы, число беженцев с обеих сторон увеличилось до сотен тысяч человек. В городах Армении и Азербайджана вводился режим особого положения. В ходе уличных беспорядков, организованных вооруженных нападений и действий силовых органов в Армении и Азербайджане риску подвергалось русскоязычное население, служащие МВД, мирные граждане, корреспонденты газет и ТВ.

и возникших на его обломках государств есть процесс развертывания лжи и погромов¹⁰. В марте 1988 г. был принят ряд постановлений Президиума ВС СССР, СМ СССР и ЦК КПСС. Одно из них отвергало возможность пересмотра принадлежности Нагорного Карабаха, причем под это решение была подведена законодательная база: недопустим пересмотр границ, которые закреплены в Конституции СССР, хотя на деле в этом документе не было пунктов, фиксирующих границы государственных образований. Карабахский вопрос перешел из сферы права народа на самоопределение в сферу территории¹¹. Иначе говоря, руководство СССР сочло возможным удовлетворять сепаратизм части государства и право самоопределения наций посредством передела территории. Это еще раз свидетельствует об имперском отношении правительства к гражданам своей страны, когда они приравниваются к чужестранцам, в отношении которых допустимы методы, используемые прежде для укрощения дикарей [Фергюсон Н., 2014, с. 303].

На протяжении шести лет длилось бюрократическое осознание карабахской проблемы и попытки его силового решения¹². Только в мае 1994 г. под давлением международных организаций стороны карабахского конфликта подписали соглашение о прекращении огня, которое вступило в силу в полночь 12 мая. Ключевую роль при заключении соглашения сыграла Россия. По результатам договора НКР стала фактически независимой от Азербайджана и получила под свой контроль юго-западную часть заявленной азербайджанской территории — до границы с Ираном. В то же время 15% заявленной территории НКР попали под контроль Азербайджана¹³.

Суть проблемы в том, что непризнанные государства на территории бывшего СССР возникают за счет использования идеи тождества национальной независимости

¹⁰ «Судебные процессы, связанные с сумгаитскими погромами и их последствиями, тщательно замалчивались в Советском Союзе» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 393].

¹¹ «Такой ход со стороны Москвы имел под собой серьезные основания, так как реализованное в ходе данного конфликта право народа (в данном случае населения Нагорного Карабаха) на самоопределение могло привести к фундаментальным преобразованиям советского режима, к которым главы ЦК КПСС не были готовы» [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 392–393].

¹² 12 января 1989 г. по распоряжению Президиума ВС СССР был создан Комитет особого управления НКАО. Однако 28 ноября ВС упразднил данный Комитет и восстановил в НК прежнюю систему власти, а также создал республиканский оргкомитет на паритетных началах между НКАО и Азербайджаном. Вслед за этим 1 декабря 1989 г. принято постановление о воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха, что также способствовало дальнейшему разрастанию конфликта. В январе 1990 г. на границе между Арменией и Азербайджаном начались сражения, в которых была применена артиллерия. 15 января 1990 г. в Нагорном Карабахе и на близлежащих территориях по указу М. С. Горбачева было введено чрезвычайное положение. 20 января в Баку ввели войска, по официальной версии, для защиты армянского населения. 29 марта 1990 г. Верховный Совет СССР провел закрытое заседание по рассмотрению бакинских событий в январе. Азербайджанские представители потребовали рассмотреть действия советских войск. Руководство СССР в ответ напомнило им о погромах армянского населения. Но в связи с нестабильным положением власти в Азербайджане на его представителей не стали давить. Зато изменилась позиция по отношению к Армении и НКАО. 2 сентября 1991 г. (после провала августовского путча) в Степанакерте было объявлено о создании НКР, в границы которой включались территория бывшей НКАО и Шаумяновский район Азербайджана.

¹³ Потери обеих сторон конфликта составили от 15 до 25 тыс., убитыми, более 25 тыс. раненых, сотни тысяч мирных жителей были вынуждены покинуть прежние места проживания. Россия тоже понесла безвозвратные потери 51 чел., санитарные (раненые и заболевшие) 830 чел. [Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 394–397].

с государственным суверенитетом в единстве с практикой неопределенности границ и территории для создания прецедента империалистического передела территории внутри страны. Об этой практике ничего не пишет Ханна Арендт, хотя в теории внутренней колонизации такая ситуация известна давно. При этом правительство РФ принимает активное участие в организации дипломатических встреч лидеров Армении и Азербайджана, выполняя в регионе миротворческую миссию. Так или иначе, карабахский конфликт создал прецедент передела территории под эгидой РФ.

Во всех последующих случаях гибли десятки тысяч людей, растрачивались средства, легализовались правительственные структуры по «урегулированию конфликтов», увеличивались миротворческие войска, Россия пыталась примирить конфликтующие стороны, но эта цель до настоящего времени нигде не достигнута. Значит, преобразование цели в средство (в данном случае всех направлений государственной деятельности) устраивает всех формальных участников конфликта — опять-таки в соответствии с теорией Ханны Арендт. СМИ представляют различные взгляды на процесс вызревания, протекания и следствия конфликта. Во всяком случае, руководство России не пытается использовать концепции, ставящие под вопрос само право бесконечного «решения» проблем, для анализа которых недостаточно традиционного понимания войны и институтов, сложившихся в период господства такого понимания.

В Приднестровье для инициирования конфликта и создания непризнанного государства была использована лингвистическая ситуация с одновременной ссылкой на общие интересы всех наций¹⁴. Это может служить примером, как слово «интересы» используется для легализации вражды, без учета новейших концепций интересов, в которых показана двусмысленность и опасность любых ссылок на интересы [Хиршман А., 2012]. Дальше пошли конфликты, в которых было применено оружие. Обе стороны обвиняют друг друга в развязывании вооруженного столкновения, не признавая за собой вины. «До сих пор не известно, кто же первым открыл огонь по противнику»

¹⁴ Перед 13-й сессией ВС МССР распространилась информация о внесении поправок в законопроект от 30 марта 1989 г., согласно которым все делопроизводство в стране будет вестись только на молдавском языке. Поэтому 11 августа в Тирасполе был создан объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК), на первом собрании которого этот проект был осужден как дискриминационный, и 21 августа начата политическая забастовка. В ней приняли участие жители Тирасполя, Бендер, Рыбницы. На территории Приднестровья возникло Интердвижение. Затем Народный фронт Молдавии провел Великое национальное собрание, в котором участвовали 500 тыс. чел. Оно приняло решение о государственном статусе молдавского языка. В ответ ОСТК провел конференцию 3–4 ноября, на которой была принята резолюция о проведении референдума уже не о языке, а по вопросу автономии. В декабре такие референдумы были проведены в Рыбнице и Тирасполе. 25 февраля 1990 г. были проведены выборы нового состава ВС МССР. Представители Приднестровья оказались в меньшинстве. 20 мая на митинге женщин-матерей депутатов от Приднестровья побили. 31 июля Президиум Тираспольского городского совета объявил, что на территории Приднестровья официальными считаются молдавский, русский и украинский языки, а на территории Гагаузии — молдавский, гагаузский и русский. 2 сентября 11-й Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Приднестровья провозгласил создание независимой от Молдавии Приднестровской МССР в составе СССР. На этой территории располагались предприятия союзного ВПК. Она не была признана ни в Молдавии, ни в СССР. Но Горбачев высказался о необходимости учитывать интересы всех национальностей. Во время Приднестровского конфликта были легализованы комитеты по чрезвычайным ситуациям, создание добровольческих отрядов в России для поддержки приднестровцев, созданы партия ЛДПР и Евразийский союз молодежи.

[Ларин М. Ю., Хватов А. В., 2012, с. 409]. Такие ситуации без труда могут провоцироваться спецслужбами, после чего начинается период права меча — неконституционного разрешения проблем, в ходе которого они решаются с помощью институтов, профессионально занятых синтезом политической лжи и насилия. На современном языке это называется «информационная война», о применении к анализу которой теории политической лжи я пока не слышал.

Создание других непризнанных государств шло также по сценариям реанимации племенных столкновений (грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты), в которых противоборствующие стороны реанимировали превращенный сепаратизм, втягивая Москву в конфликт с центром своего государства, используя для этого местных интеллектуалов и сервильные концепции историографии [Шнирельман В. А., 2006]. Параллельно происходили легализация парамилитарных структур для решения гуманитарных проблем, наращивания в регионах военного присутствия в виде миротворческих сил СНГ (под которыми выступают российские вооруженные силы) и силовое разрешение проблемы. До сих пор ни одна сторона не взяла на себя инициативу «решать проблему» без участия спецслужб, армии¹⁵ и без привязки российской дипломатии и СМИ к конъюнктуре, а не к международному праву. После завершения боевых действий «...противоборство сторон перешло в политическую сферу. Российские, грузинские и западные СМИ представляли и до сих пор представляют различные взгляды на произошедший конфликт» [Ларин, Хватов. Указ. соч., с. 475].

Все эти тренды воплотились в событиях в Украине. И. М. Клямкин проанализировал политику и пропаганду России в отношении данных событий на протяжении 2014–2017 гг. и показал, что эта политика и пропаганда производят тотальную ложь, переплетенную с феноменом нелегальной войны: «Как можно определить происходящее сегодня в Украине? — ставит вопрос Игорь Моисеевич. — Его можно определить как нелегальную войну между государствами, когда она по факту есть, но факт этот не признается, и ее как бы и нет. Этот новый феномен ломает все прежние

¹⁵ Решения двигались по накатанному пути. Например, февраль 2006 г. ознаменовался очередным обострением российско-грузинских отношений. Поводом послужило ДТП между российским грузовиком «Урал» и частными «Жигулями» около грузинского села Тквиави. На место происшествия сразу стянулись различные военные подразделения: грузинский спецназ, российские миротворцы, южноосетинские боевые формирования. Столкновения не произошло, однако «Урал» был отправлен на штрафную стоянку в Гори грузинской полицией. После этого инцидента в адрес российских миротворцев посыпались обвинения и требования вывести миротворческие части из южноосетинской зоны конфликта. В ответ командующий смешанными силами по поддержанию мира М. М. Кулахметов заявил, что это можно осуществить только после принятия согласованного политического решения. При этом было обещано, что односторонние силовые акции будут, в соответствии с мандатом, пресекаться с применением оружия. Вслед за этим в российско-грузинских дипломатических отношениях последовали различные перипетии, приведшие в итоге к заявлению властей Грузии о необходимости размещения в зоне конфликта в Южной Осетии не только миротворческих контингентов России, но и Украины и других стран. Украина признала возможность осуществления такого решения, но ему не дали осуществиться. В июне 2006 г. лидеры Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья подписали иную декларацию, в которой в противовес намерениям грузинских властей привлечь на территорию Южной Осетии миротворческие войска со всей Европы была признана недопустимость изменений в формате миротворческих операций в конфликтной зоне. В этот же период Э. Д. Кокойты старался добиться признания того исторического факта, что Южная Осетия была присоединена к Российской империи вместе с Северной Осетией и никогда не выходила из состава Российского государства.

смысловые разграничения. Между войной и миром, между силовыми действиями, политикой и дипломатией. Все смешивается и спутывается в некоем межеумочном состоянии, в котором все прежние инструменты разрешения конфликтов не работают, блокируя друг друга, а других нет» [Клямкин И. М., 2015, с. 67].

На основе четырехлетнего обзора событий и их отражения в высказываниях российских официальных лиц Клямкин тоже предложил перефразировать формулу Клаузевица: «Политика в России есть продолжение войны другими средствами, не способными обрести устойчивую самодостаточность и потому постоянно тяготеющими к превращению в военные» [Клямкин И. М., 2015, с. 112].

Клямкин указывает следующие основные темы анализа: Майдан и его образы в России; Крым и «крымнашизм»; идея Майдана и идея Донбасса; патриотизм против права (исторические контексты); феномен нелегальной войны и миротворцы; новый опыт Украины и Россия; российская государственная система (власть и оппозиция); время и лица; ментальности альтернативной цивилизации [Клямкин И. М., 2018]. Все эти темы дробятся на множество информационно-аналитических процедур в отношении происходящих событий и фиксации лжи официальной (правительственной) точки зрения на каждое конкретное событие. Например, в 2014 г. зафиксировано 292 случая официальной лжи России.

Причем это только в изложении Клямкина. Если добавить к этому рефлексии множества участников событий и независимых от российской политики и пропаганды наблюдателей, то объем материала для создания банка первичной информации о календаре внутренних и международных событий подпольной войны возрастет в разы. Личная память о нелегальной войне между Россией и Украиной, написанная с точки зрения всех сторон, задействованных в конфликте, а также со стороны независимых медиа, еще ожидает систематизации. На книжном рынке России пока преобладает пропагандистская макулатура, которая уже начала маскироваться под «научные трактаты» [Губарев П. Ю. и др., 2017; Донецкий региолект, 2018].

С учетом данного тренда я предлагаю применить к описанию нынешних отношений между Россией и Украиной все перечисленные констатации. Для их обобщения можно использовать бессмертный образ, тип и содержание разговоров «русских мальчиков» Федора Михайловича Достоевского [Кудрявцев Ю. Г., 1991], — на фоне еще неподсчитанного числа могил «цинковых мальчиков» и их живых наследников. Этот образ можно нагрузить комплексом когнитивно-политических проблем, описанных в статье.

Литература

1. Алексеев С. В., Каламанов В. А., Черненко А. Г. Идеологические ориентиры России [Т. 2] / Под ред. Степашина С. В. — М.: Книга и бизнес, 1998. — 558 с.
2. Алексиевич С. А. Время секунд хэнд. — М.: Время, 2014. — 512 с.
3. Алексиевич С. А. Цинковые мальчики. — М.: Время, 2007. — 400 с.

4. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. — М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.
5. Беляков С. Военная тайна. Можно ли подсчитать потери Советского Союза в Великой Отечественной войне? // Новый мир. — 2017. № 2. — С. 156–170.
6. Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ / Вадим Волков. — Изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 360 с.
7. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 416 с.
8. Гонтмахер Е. Ш. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть I. Расставание с Советским Союзом // Звезда. — 2016. № 10. — С. 138–147.
9. Гонтмахер Е. Ш. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть II. Социальный рай 2000-х? // Звезда. — 2016. № 11. — С. 204–213.
10. Гонтмахер Е. Ш. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть III. Социальная жизнь в условиях экономического застоя // Звезда. — 2017. № 1. — С. 188–198.
11. Гонтмахер Е. Ш. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть IV. «Россия во мгле»? // Звезда. — 2017. № 2. — С. 184–194.
12. Губарев П. Ю., Медяник И. А., Самыгин С. И., Старостин А. М. Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. Коллективная монография / Научн. ред. А. М. Старостин. — М.: РУСАЙНС, 2017. — 152 с.
13. Джонсон П. Популярная история евреев. — М.: Вече, 2001. — 672 с.
14. Донецкий региолект: монография / Под ред. В. И. Теркулова. — Донецк: Изд. ООО «НПП» Фолиант», 2018. — 265 с.
15. Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. — 102 с.
16. Карский Я. Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства / Ян Карский; пер. с франц. Н. Мавлевича. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 448 с.
17. Клямкин И. М. 2014. Год Украины. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. — 212 с.
18. Клямкин И. М. Какая дорога ведет к праву? — М.: Либеральная миссия, 2018. — 231 с.
19. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского. — М.: Изд. МГУ, 1991. — 344 с.
20. Ларин М. Ю., Хватов А. В. Неизвестные войны России. — М.: ООО «Дом славянской книги», 2012. — 480 с.
21. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — 688 с.
22. Макаренко В. П. Русская власть и бюрократическое государство: Часть 1. Изд. 2-е, испр. и доп. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. — 642 с.

23. Макаренко В. П., Акопян А. Г., Халед Р. К. Б. Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства: монография. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2020. — 360 с.
24. Маннергейм К. Г. Мемуары / Пер. с финс. Б. С. Злобина. — М.: АСТ, 2014. — 571 с.
25. Набоков В. Лекции по русской литературе. — М.: Независимая газета, 1996. — 438 с.
26. Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: РОССПЭН, 2011. — 440 с.
27. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 418 с.
28. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. — М.: Логос, 2003. — 720 с.
29. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. — М.: Европа, 2007. — 152 с.
30. Россия — Украина: пересмотр или воспроизводство политических парадигм? / Отв. ред. В. П. Макаренко. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. — 736 с.
31. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регулятивов современных обществ / Под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 334 с.
32. Рубцов А. В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. — М.: Прогресс-Традиция, 2020. — 816 с.
33. Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. Континент Россия. — СПб.: «Питер», 2020. — 688 с.
34. Снайдер Т. Перетворення націй: Польща, Україна, Литва, Білорусь 1569–1999 / Пер. с англ. А. Котенко, О. Надтока. — К.: Дух и літера, 2012. — 460 с.
35. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: по док. рассекреч. арх. / Ред. сост. Н. Л. Волковский. — СПб.: Полигон, 2000. — 542 с.
36. Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.». Стенографический отчет. — М.: ИНСАН, 1992. — 206 с.
37. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 560 с.
38. Философ и наука. Александр Павлович Огурцов / Отв. ред. С. С. Неретина. — М.: Голос, 2016. — 538 с.
39. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 275–300.
40. Хиршман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. — М.: Изд-во Института Гайдара. 2012. — 200 с.
41. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. / Составит. Л. С. Гагагова и др. — М.: РОССПЭН, 2005. — 280 с.
42. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 225–245.

43. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 496 с.
44. Ямпольский М. От бытия к инструментальности. Насилие входит в мир // Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. — М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.

References

1. Alekseev S. V., Kalamanov V. A., Chernenko A. G. *Ideologicheskie orientiry Rossii* [T. 2] [Ideological landmarks of Russia], ed. by S. V. Stepashina. Moscow: Kniga i biznes, 1998. 558 p. (In Russian.)
2. Aleksievich S. A. *Cinkovye malchiki* [Boys in zinc]. Moscow: Vremya, 2007. 400 p. (In Russian.)
3. Aleksievich S. A. *Vremya sekond hend* [Secondhand time]. Moscow: Vremya, 2014. 512 p. (In Russian.)
4. Arendt H. *O nasilii* [On Violence], trans. by G. M. Dashevskiy. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2014. 148 p. (In Russian.)
5. Belyakov S. *Voennaya tajna. Mozhno li podschitat poteri Sovetskogo soyuza v Velikoj Otechestvennoj vojne?* [Military secret. Is it possible to calculate the losses of the Soviet Union in the Great Patriotic War?]. New World, 2017, vol. 2, pp. 156–170. (In Russian.)
6. *CK RKP(b)-VKP(b) i nacionalnyj vopros. Kniga 1. 1918–1933 gg.* [Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the national question. Book 1. 1918–1933], composed by L. S. Gatagova and others. Moscow: ROSSPEN, 2005. 280 p. (In Russian.)
7. *Doneckij regiolekt: monografiya* [Donetsk regiolect: monograph], ed. by V. I. Terkulov. Donetsk: Izd. OOO «NPP» Foliant», 2018. 265 p. (In Russian.)
8. Dubnov S. M. *Kniga zhizni. Vospominaniya i razmyshleniya. Materialy dlya istorii moego vremeni* [The book of life. Memories and reflections. Materials for the history of my time]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publishing House, 1998. 102 p. (In Russian.)
9. Dzhonson P. *Populyarnaya istoriya evreev* [A popular history of the Jews]. Moscow: Veche, 2001. 672 p. (In Russian.)
10. Etkind A. *Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogah i intertekstah* [Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow: New Literary Review, 2001. 496 p. (In Russian.)
11. Fergyson N. *Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Britanii* [Empire: what the modern world owes to Britain], trans. from English by K. Bandurovskiy. Moscow: AST: CORPUS, 2013. 560 p. (In Russian.)
12. *Filosof i nauka. Aleksandr Pavlovich Ogurtsov* [Philosopher and science. Alexander Pavlovich Ogurtsov], ed. by S. S. Neretina. Moscow: Golos, 2016. 538 p. (In Russian.)
13. *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and ideology: from Marx to postmodern], ed. by A. A. Gusejnov, A. V. Rubcov, composed by A. V. Rubcov. Moscow: Progress Tradition, 2018, pp. 275–300. (In Russian.)

14. Gogun A. *Mezhdru Gitlerom i Stalinym. Ukrainskie povstancy* [Between Hitler and Stalin. Ukrainian rebels]. St. Petersburg: Neva Publishing House, 2004. 416 p. (In Russian.)
15. Gontmaher E. Sh. *Sovremennaya Rossiya: ocherki socialnoj zhizni. Chast 1. Rasstavanie s Sovetskim Soyuzom* [Modern Russia: essays on social life. Part I. Parting with the Soviet Union]. Zvezda, 2016, no. 10, pp. 138–147. (In Russian.)
16. Gontmaher E. Sh. *Sovremennaya Rossiya: ocherki socialnoj zhizni. Chast 2. Socialnyj raj 2000-h?* [Modern Russia: essays on social life. Part II. Social paradise of the 2000s?]. Zvezda, 2016, no. 11, pp. 204–213. (In Russian.)
17. Gontmaher E. Sh. *Sovremennaya Rossiya: ocherki socialnoj zhizni. Chast 3. Socialnaya zhizn v usloviyah ekonomicheskogo zastoya* [Modern Russia: essays on social life. Part III. Social life in conditions of economic stagnation]. Zvezda, 2017, no. 1, pp. 188–198. (In Russian.)
18. Gontmaher E. SH. *Sovremennaya Rossiya: ocherki socialnoj zhizni. Chast 4. «Rossiya vo mgle»?* [Modern Russia: essays on social life. Part IV. Russia in the dark?]. Zvezda, 2017, no. 2, pp. 184–194. (In Russian.)
19. Gubarev P. Yu., Medyanik I. A., Samygin S. I., Starostin A. M. *Gosudarstvoobrazuyushchie processy v sovremennom geopoliticheskom prostranstve. Kollektivnaya monografiya* [State-forming processes in the modern geopolitical space. Collective monograph], scien. ed. A. M. Starostin. Moscow: RUSAYNS, 2017. 152 p. (In Russian.)
20. Hirshman A. *Strasti i interesy: politicheskie argumenty v polzu kapitalizma do ego triumfa* [Passions and interests: political arguments in favor of capitalism before its triumph]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. 2012. 200 p. (In Russian.)
21. Karskij Ya. *Ya svidetelstvuyu pered mirom. Istoriya podpolnogo gosudarstva* [I testify before the world. History of the Underground State], Yan Karskij, trans. from French by N. Mavlevich. Moscow: Astrel: CORPUS, 2012. 448 p. (In Russian.)
22. Klyamkin I. M. *2014. God Ukrainy* [2014. Year of Ukraine]. Moscow: the Foundation «Liberal Mission», 2015. 212 p. (In Russian.)
23. Klyamkin I. M. *Kakaya doroga vedet k pravu?* [Which road leads to the right?]. Moscow: The Foundation «Liberal Mission», 2018. 231 p. (In Russian.)
24. Kudryavcev Yu. G. *Tri kruga Dostoevskogo* [Three circles of Dostoevsky]. Moscow: MSU Press, 1991. 344 p. (In Russian.)
25. Larin M. Yu., Hvatov A. V. *Neizvestnye vojny Rossii* [Unknown wars of Russia]. Moscow: LLC House of the Slavic Book, 2012. 480 p. (In Russian.)
26. Liven D. *Rossijskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashih dnei* [The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present Day], trans. from English by A. Kozlik, A. Platonov. Moscow: «Evropa» Publishing Press, 2007. 688 p. (In Russian.)
27. Makarenko V. P. *Russkaya vlast i byurokraticheskoe gosudarstvo: Chast 1* [Russian power and the bureaucratic state: Part 1], 2nd ed., cor. and suppl. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2016. 642 p. (In Russian.)
28. Makarenko V. P., Akopyan A. G., Khaled R. K. B. *Politicheskaya bezdarnost: gosudarstvennyj interes v kontekste byurokraticheskogo gospodstva: monografiya* [Political

- mediocrity: state interest in the context of bureaucratic governance: monograph]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2020. 360 p. (In Russian.)
29. Mannergejm K. G. *Memuary* [Memoirs], trans. from Finnish by B. S. Zlobin. Moscow: AST, 2014. 571 p. (In Russian.)
30. Nabokov V. *Lekcii po russkoj literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1996. 438 p. (In Russian.)
31. Olejnik A. N. *Tyuremnaya subkultura v Rossii: ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow: INFRA-M, 2001. 418 p. (In Russian.)
32. Olejnik A. N. *Vlast i rynek: sistema socialno-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii «nulevyh» godov* [Power and the market: the system of socio-economic domination in Russia in the "zero" years]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 440 p. (In Russian.)
33. Oslund A. *Stroitelstvo kapitalizma. Rynochnaya transformaciya stran byvshego sovetskogo bloka* [Construction of capitalism. Market transformation of the countries of the former Soviet bloc]. Moscow: Logos, 2003. 720 p. (In Russian.)
34. Pyatigorskij A. *Chto takoe politicheskaya filosofiya: razmyshleniya i soobrazheniya. Cikl lekcij* [What is political philosophy: reflections and considerations. Cycle of lectures]. Moscow: Evropa, 2007. 152 p. (In Russian.)
35. *Rossiya — Ukraina: peresmotr ili vosproizvodstvo politicheskich paradigmat* [Russia – Ukraine: revision or reproduction of political paradigms], managing ed. V. P. Makarenko. Rostov-on-Don: Izdatelstvo Juznogo Federalnogo universiteta, 2016. 736 p. (In Russian.)
36. *Rossiya v poiskah ideologij: transformaciya cennostnyh reguljativov sovremennyh obshchestv* [Russia in Search of Ideologies: Transformation of the Value Regulators of Modern Societies], ed. by V. S. Martyanov, L. G. Fishman. Moscow: Political Encyclopedia, 2016. 334 p. (In Russian.)
37. Rubcov A. V. *Narciss v brone. Psihoideologiya «grandioznogo YA» v politike i vlasti* [Narcissus in armor. Psychoideology of the “grand self” in politics and power]. Moscow: Progress Tradition, 2020. 816 p. (In Russian.)
38. Sergejcev T. N., Kulikov D. E., Mostovoj P. P. *Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya* [The ideology of Russian statehood. Continent Russia]. St. Petersburg: «Piter», 2020. 688 p. (In Russian.)
39. Shnirelman V. A. *Byt alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v HKH veke* [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow: New Literary Review, 2006. pp. 225–245. (In Russian.)
40. Snajder T. *Peretvorennaya nacija: Polsha, Ukraina, Litva, Bilorus 1569–1999* [The transformation of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus 1569–1999], trans. from English by A. Kotenko, O. Nadtocka. K.: Spirit and Litera, 2012. 460 p. (In Russian.)
41. *Tajny i uroki zimnej vojny. 1939–1940: po dok. rassekrech. arh.* [Secrets and lessons of the winter war. 1939–1940: after doc. declassified arch.], ed. comp. by N. L. Volkovskij. St. Petersburg: Poligon, 2000. 542 p. (In Russian.)
42. *Tajny nacionalnoj politiki CK RKP. «CHetvertoe soveshchanie CK RKP s otvetstvennymi rabotnikami nacionalnyh respublik i oblastej v g. Moskve 9–12 iyunya 1923 g.»*.

- Stenograficheskij otchet* [Secrets of national policy of the Central Committee of the RCP. "The fourth meeting of the Central Committee of the RCP with senior officials of the national republics and regions in Moscow on June 9–12, 1923." Verbatim report]. Moscow: INSAN, 1992. 206 p. (In Russian.)
43. Volkov V. V. *Silovoe predprinimatelstvo, XXI vek: ekonomiko-sociologicheskij analiz / Vadim Volkov* [Power entrepreneurship, XXI century: economic and sociological analysis / Vadim Volkov], Eds. 3rd, rev. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2012. 360 p. (In Russian.)
44. Yampolskij M. "Ot bytiya k instrumentalnosti. Nasilie vkhodit v mir" [From Being to Instrumentality. Violence enters the world], in: H. Arendt, *O nasilii* [On violence], trans. from English by G. M. Dashevskiy. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2014. 148 p. (In Russian.)

Nature of post-Soviet wars: fragments of problems

Makarenko V. P.,

Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor,
Chief Researcher, Center for Political Conceptology,
Institute of Philosophy, Social and Political Sciences
Southern Federal University,
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: The author substantiates the principle of the researcher's distance from the political situation in Russia and the entire post-Soviet space [Makarenko V. P., 2016, pp. 53–77] given that the main characteristics of the Russian, Soviet and post-Soviet state mind come from lie, violence and political mediocrity [Makarenko V. P., Akopyan A. G., Khaled R. K. B., 2020]. The leaders of the Russian Empire (Nicholas II) and the Soviet Union (Stalin) engaged the country in two world wars which implies that even the Russian revolutions did not change the patterns of political thinking of the ruling minorities in Russia [Liven D., 2007].

The purpose of this article is to apply the author's concept of bureaucracy to explain the nature of post-Soviet wars. For this, the fundamental research of Hannah Arendt, the observations of writers, war journalists, and civilian analysts of the Soviet war in Afghanistan and the war between Russia and Chechnya in 1994–1996 are being used. The problems of reassessing the links between war and politics, the phenomenon of unknown wars in the history of the USSR and post-Soviet Russia, the reproduction of liars and the process of formation of unrecognized states in the post-Soviet space are considered.

Keywords: paradox of violence, connection between war and politics, post-Soviet wars, political lies.